

РЕЦЕНЗИИ

УДК 327

**ПЕРСПЕКТИВЫ БУДУЩЕГО:
ЧТО ОЖИДАЕТ ЕВРОПУ И МИР**

© 2022 **НЕЙМАРК Марк Афроимович***

*Доктор исторических наук, профессор
Кафедра политологии и политической философии
Дипломатическая академия МИД России
119034, Россия, Москва, ул. Остоженка 53/2, строение 1
E-mail: mark.neimark@mail.ru SPIN-код: 2491-0280

Поступила в редакцию 08.04.2022

После доработки 14.06.2022

Принята к публикации 08.07.2022

Ключевые слова: геополитика, стратегическая безопасность, Европа, США, Китай, Россия, новый мировой порядок.

DOI: 10.31857/S0201708322050163

EDN: gnwtua

Новые вызовы и угрозы вызывают растущую озабоченность во властных структурах Евросоюза и политологических сообществах стран-членов. Резкое усложнение геополитических и геоэкономических реалий императивно ставит перед профильными аналитиками задачу переосмыслить прежние и предложить новые подходы, адаптированные к кардинально изменившимся условиям.

Решению этой задачи посвящена опубликованная в 2021 г. в Париже книга Т. Гомара «Невидимые войны. О грядущих геополитических вызовах» [Gomart, 2021]. Ее автор – известный европейский политолог-международник, директор парижского Института международных отношений, обладатель премии за лучшую книгу во Франции по геополитике 2020 г. и премии Академии моральных и политических наук. С европейского ракурса он рассматривает совокупность проблем и тенденций, которые прямо или опосредованно сказываются уже сейчас на перспективах мирового развития. Их осмысление в книге вызывает особый интерес в условиях, когда отношения ЕС-Россия, по оценке Постоянного представителя РФ при ЕС В.А. Чижова, скорее напоминают метро: «Мы движемся в темноте от станции к станции: к сожалению, очень медленно» [Чижов, 2021].

Глобализация: особенности макросистемных трансформаций

Методологический подход и оценочные позиции Т. Гомара во многих случаях отличаются от привычных концептуальных шаблонов, схем и моделей, используемых на Западе в анализе процессов глобализации и контр-тенденций в их развитии. Он придает первостепенное значение критике «уникальной незаметной системы, на которую опираются США для контроля над базовыми звеньями глобализации». Благодаря доллару и национальной юрисдикции, распространяемой на весь мир, а также военному превосходству США «сохраняют опасную власть как над созданием тех или иных структур, так и над их развалом» [Gomart, 2021: 251]. Так было в период президентства Д. Трампа, так осталось и при Дж. Байдене: автор как будто предвидел фиаско созданных Вашингтоном в Афганистане структур после их поспешного вывода из Кабула, а также формирование в другом регионе по явной инициативе США нового военно-политического союза AUKUS.

Примечательно, что именно в рамках анализа мирополитических процессов, связанных с глобализацией, возникает сложная задача – выявить, пожалуй, впервые, невидимые механизмы соперничества великих держав. В глобальном масштабе модели управления, потребления и поведения начинают конкурировать между собой в результате сочетания желаемых трансформаций технологического прогресса и трансформаций нежелаемых, прежде всего – деградации окружающей среды [Gomart, 2021: 10]. Именно в рамках такого специфического сочетания, прогнозирует автор, усилится конкурентное соперничество великих держав. Геополитические зависимости будут смещаться под давящим воздействием экологических, демографических, санитарно-эпидемиологических и технологических факторов. «Европа еще не осознала в должной мере то, с чем ей приходится сталкиваться сегодня и от чего прямо зависит ее место на международной арене» [Gomart, 2021: 11].

Пандемия COVID-19 нарушила баланс отношений между Азией и Западом, но главное – закрепила разрыв между КНР и США, «завершая тем самым сорокалетний цикл развития, который модифицирует саму природу глобализации». За этот период произошел мощнейший промышленный и технологический переток из США, Западной Европы и Японии в Китай, позволивший Пекину прямо оспаривать верховенство Вашингтона. Реакция американской власти на пандемию наглядно показала степень ее дезорганизации в масштабе всей страны. Самым значимым, глубинным последствием коронакризиса Гомар считает ускоренное размывание западноцентричности в мировой политике и все большее разнообразие подходов в осмыслении процессов современной глобализации. Он критикует европейцев и особенно французов за их провинциализм, их сосредоточенность в рамках глобализации главным образом на европейском строительстве и на трансатлантических связях, которые переживают глубокий кризис. В восприятии европейцев «глобализация сводится к западноцентричности, универсальное значение которой все больше оспаривается с самых разных сторон» [Gomart, 2021: 15]. Сегодня наблюдается прямо противоположный процесс, и «происходит уже не столько внедрение “универсальных ценностей” на Востоке, сколько “азиатских ценностей” на Западе» [Gomart, 2021: 17].

Фокус авторского анализа на ускоренном размывании западнцентричности в тесной прогностической увязке с процессами глобализации и контртенденциями в ее развитии со всей очевидностью свидетельствует о подвижках в стратегическом мышлении определенного сегмента европейского политологического сообщества и о растущем понимании им глубинной сути трансформации мирового порядка.

Свет и тени цифровизации

В современном, все более усложняющемся мире цифровизация экономики и политики приобретает геостратегическое значение. Резко возрастающая сопряженность сугубо технологических и мирополитических процессов стала одним из важнейших факторов глобальной политики. Оптимизация цифровых стратегий выходит в приоритеты международных, региональных, государственных и международных повесток.

Именно поэтому в разных контекстах в книге рассмотрен феномен цифровизации, причем, не только как неотъемлемая часть глобализации, но и как один из важнейших гарантов ее дальнейшего перехода на более углубленные и еще не до конца осознанные форматы. С 2005 по 2016 гг. приток информации увеличился в 80 раз; отныне, по прогнозам, он будет удваиваться каждые полтора года. Уже не конкурентная борьба, а война за первенство в получении информации становится особенностью трансформационных процессов в глобальном пространстве. Финансовое, технологическое и политическое могущество таких крупнейших компаний как *Facebook*¹, *Microsoft* и *Apple* стало символом мировой цифровой экономики. При этом почти половина баз данных находится в США. В Европе они сосредоточены в основном в коридоре Лондон – Амстердам – Париж – Франкфурт-на-Майне и на морском побережье, куда выходят наиболее значимые глубоководные кабели. В ближайшее пятилетие в мире будет насчитываться 150 млрд цифровых терминалов, что в 20 раз больше, чем людей на планете. Коронакризис еще больше подталкивает мировую экономику в сторону цифровых платформ. Все это усиливает всевластие наиболее развитых стран в ущерб отдельных государств, неспособных адаптироваться к новой технологической среде.

Особое внимание в книге уделено искусственному интеллекту, рассматриваемому как «новый инструмент могущества, который придает решающее преимущество государству, способному овладеть им» [Gomart, 2021: 154]. В мире усиливается гонка за талантами. Так, США намерены привлечь в Кремниевую долину 0,0001% наиболее талантливых специалистов из 7,7 млрд проживающих на планете, т.е. 770 тыс. человек с повышенными профильными компетенциями. Внедрение искусственного интеллекта ускоряет роботизацию и автоматизацию промышленного производства и создает четко выраженное геороботизационное пространство, включающее Китай, Южную Корею, Японию, Германию и США. Последние три страны доминируют на рынке промышленных и медицинских роботов с высокой

¹ С 4 марта 2022 г. социальная сеть *Facebook* (запрещенная в России экстремистская организация) заблокирована Роскомнадзором на территории РФ (прим. редакции).

добавочной стоимостью. Автоматизация и использование дистант-интеллекта существенно меняет положение дел с наемным трудом, особенно в третичном секторе наиболее развитых стран. Дистант-работа серьезно скажется на средних классах, которые могут оказаться в эпицентре политических и социальных потрясений в западных странах. Все более значимым фактором является то, что для использования искусственного интеллекта требуются исходные комплектующие и прежде всего полупроводники, в производстве которых доминируют США. В 2018 г. дефицит полупроводников в Китае составлял 12% всех импортируемых в страну товаров. Учитывая геоэкономическое и геополитическое превосходство Вашингтона в сфере технологий, в КНР поставлена задача обеспечить ее суверенную независимость в производстве полупроводников к 2025 г. Целевая установка предельно проста: использование искусственного интеллекта должно стать приоритетным направлением развития страны. Вместе с тем в китайском экспорте уже произошли большие изменения, касающиеся, в частности, поставок за рубеж технологий «умного города», что свидетельствует о том, что «отныне Китай уже не только мастерская мира, но и технологическая лаборатория» [Gomart, 2021: 160]. В целом же развитие системы 5G – составная часть политики технологически развитых стран, ставящая цель обеспечить им превосходство в мире за счет достижений в сфере цифровизации.

Таким образом, цифровая среда обоснованно рассматривается как меняющееся электронно-сетевое пространство социальных, геоэкономических и геополитических отношений с акцентом на современный опыт использования международно-политических компонентов и механизмов цифровизации. Вместе с тем автор мог бы прогностически укрупнить геополитические последствия цифровизации в столь актуальном сегодня контексте формирования нового мирового порядка. Не будет преувеличением утверждать, что она существенно скажется на его параметрах и особенностях. Цифровая суверенность, доминирование или, наоборот, зависимость станут во многом определяющими факторами мирового развития. С цифровизацией связано, несомненно, формирование нового качества различных форматов взаимодействия, соперничества и противоборства в мировой политике и международных отношениях. Регулятивное воздействие цифровизации на развитие мирополитических процессов будет усиливаться по нарастающей. Цифровая парадигма уже сегодня глобализирована настолько, что не будет преувеличением говорить о цифровизации геополитики.

Грозы и угрозы в киберпространстве

Современное киберпространство являет собой сгусток противоречий, геополитических размежеваний и прямой конфронтации. Новые кибервозможности беспрецедентно повышают многочисленные, прежде всего, ядерные риски. Выработка общего понимания киберугроз для ядерного сдерживания и стратегической стабильности приобретает экзистенциальное значение. Как отмечается в прогнозном докладе разведсообщества США «Глобальные тенденции 2040», именно адаптация к этим и другим новым вызовам и угрозам «станет как императивом, так и ключевым источником преимуществ всех действующих сил в мире» [Global Trends 2040, 2021].

Отправной точкой анализа предстоящих действий Евросоюза в этой сфере служит обобщенная констатация автора: ЕС потерпела поражение в битве за средства цифровизации. Поэтому в гонке за новые технологии интегрированная Европа делает ставку на поиске ее эффективной инновационной модели, учитывающей особенности борьбы вокруг персональных данных. Этика и регулирование не заменяют различным отраслям промышленности профильные инвестиции, политическую поддержку, быстроту принятия решений и их реализацию. Тем не менее регулирование «останется привилегированным средством ЕС в его попытках противостоять влиянию американских цифровых платформ». Принятый в 2018 г. Генеральный регламент ЕС о защите данных предписывает выступить в защиту граждан Евросоюза как «личностей, которых они непосредственно касаются», в то время как в США эти данные принадлежат информационно-цифровым платформам, активно их накапливающим. Стержневая проблема Евросоюза, претендующего на стратегическую автономию, – невозможность отождествлять статус физического лица и положение личности, которую затрагивают накопленные на нее данные. Если первый случай подпадает под четкую государственную юрисдикцию, то во втором случае – все персональные данные оказываются одновременно еще и на многочисленных частных серверах, локализованных в разных местах. Поэтому ЕС будет вынужден пересмотреть свой прежний подход в этом вопросе, стремясь обеспечивать защиту персональных данных в комплексной увязке обоих случаев [Gomart, 2021: 171].

В современном мире кибербезопасность стала ключевой сферой, где соперничают частные компании разных стран, поддерживающие тесные связи с властными структурами. Происходит взаимопереплетение их целей и интересов, в результате чего доступ к личному пространству, личной жизни граждан становится все более свободным, как и к постоянно расширяющимся государственным базам данных. Так, реконфигурация государственно-частного партнерства в вопросах кибербезопасности стала одной из центральных задач созданной в США Комиссии по киберпространству, учрежденной Законом о бюджетных ассигнованиях на национальную оборону в 2018 г.

В той мере, в которой объединение, накопление и использование баз данных является огромным преимуществом, обеспечение их защищенности становится приоритетной задачей государств, компаний и самих граждан. Т. Гомар выделяет в кибербезопасности три слоя: материальный (физическая инфраструктура, реальное значение которой возрастает по мере развития интернета); слой логистики и систем ее эксплуатации и когнитивный («семантический» слой). Первые два слоя соотносятся с пользователями, а третий – с его содержательным наполнением [Gomart, 2021: 165]. Именно эти слои киберпространства подвергаются нарастающим атакам, последствия которых могут сказываться на населении того или иного государства и на его властных структурах. Автор выделяет следующие виды информатак: шпионаж, преступность, дезинформация и саботаж. Шпионаж в сфере информатизации и цифровизации, осуществляемый преимущественно, но не только разведывательными службами, дополняет и усиливает их традиционную деятельность. Киберпреступность сводилась до середины 1990-х гг. к действиям отдельных хакеров. Уже в первом десятилетии XXI в. их сети организуются на профессиональных

началах: вымогательство финансовых ресурсов поставлено на поток, используются и другие, самые разнообразные преступные средства. Единообразие изъянов систем информатизации различных государств позволяет киберпреступным группам действовать эффективно. Избирательные кампании становятся мишенью операций по дезинформации, проводимых, в частности, в социальных сетях. Саботаж в сфере информатики осуществляется путем проникновения в системы противника и установления в них специальных устройств, активируемых в заданный момент в целях подрыва той или иной инфраструктуры.

Конкретизируя современные кибертехнологии, Т. Гомар называет наиболее эффективные из них: слежку, цензуру, кибератаки, закрытие сетей и точечные преследования – все то, что ускоренно ведет к созданию «всевидающего ока капитализма». Яркий тому пример – американская «глобальная система слежки», использование которой «наделяет США уникальными преимуществами перед другими крупными державами». Так, 80% трафика интернета во Франции проходит через США. Прогностический вывод Т. Гомара: воздействие американских цифровых платформ на экономическую и политическую жизнь «будет иметь прямые последствия для Европы» [Gomart, 2021: 168–170]. Оснований для такой оценки у автора достаточно.

Ближе к футурологии: новая гонка вооружений

То, что происходит сегодня в сфере вооружений, выглядит все более футуристично. Автор обоснованно использует инновационное понятие «военно-цифровой комплекс», отражающее беспрецедентные технологические изменения, которые во много определяют сущностное содержание, формы и параметры грядущего мирового порядка. Постоянное балансирование между технонационализмом и техноглобализмом подпитывает и усиливает технологическое противоборство между Вашингтоном и Пекином.

Прорывные технологические достижения в военной области могут изменить место государств в мировой иерархии. Учитывая свои ограниченные возможности по сравнению с Китаем и США, европейцы не могут позволить себе ошибиться в выборе приоритетных направлений научно-технологической революции и соответственно секторов, где инвестиции будут наиболее эффективными. В документе «Шоки будущего», подготовленном Генеральным секретарем по обороне и национальной безопасности Франции, обозначены те области, в которых к 2030 г. ожидаются технологические прорывы, ведущие к прорывам стратегическим. Это гиперзвуковое оружие, космическое оружие, принтерная печать в трех измерениях, биология синтеза, нейронауки, криптография, робототехника и автономные системы.

Автор уделяет повышенное внимание гиперзвуковому оружию, поскольку его разработка Россией, Китаем, США и Индией создает опасность отставания Европы в этой области. Только эти страны, наряду с Францией, имеют профильные целевые программы развития. Особенность стратегического подхода Москвы, Пекина и Парижа в том, что они «рассматривают гиперзвуковое оружие в рамках ядерного

сдерживания. США же предусматривают его использование для упреждающего конвенционального удара» [Gomart, 2021: 181].

Само по себе технологическое превосходство не всегда влечет за собой превосходство военное, отмечает Гомар. Сказываются и другие факторы: здоровье армии, ее натренированность, моральный дух, организация, качество военной доктрины и умения армейского руководства. Степень подготовленности к войне, способность противостоять террористическим, эпидемиологическим и экологическим вызовам и угрозам также определяют статус державности и мощи государства. Конечно, перво-степенное значение имеет финансовый потенциал страны, реальные возможности ее военного бюджета и уровень эффективности стратегического планирования.

Этим критериям и параметрам отвечают очень мало стран. В 2019 г. военные расходы первых пятнадцати стран мира – 1 трлн 433 млрд долл., причем совокупная доля четырех европейских стран (Великобритании, Франции, Германии и Италии) составляла всего 12%. Первое место по военным расходам занимают США, далеко опередившие Китай, Саудовскую Аравию, Россию и Индию. Что же касается Европы, то в целом ее военные бюджеты за последние полвека снизились с 3-4% ВВП до 1-1,5%, достигнув исторического минимума. Показателен пример Франции: с 1991 по 2001 г. ее военный бюджет уменьшился на 18% при том, что госдолг страны увеличился с 35% ВВП в 1991 г. до 60% в 2001 г., а в декабре 2019 г. превысил символическую планку в 100%. Впоследствии этот показатель существенно возрос в связи с пандемией. Автор критикует те европейские страны, которые не мыслят свою оборону в отрыве от Вашингтона, считая, что тогда им гарантирована безопасность. «Коалиции, сформированные США для вторжения в Афганистан в 2001 г., затем в Ирак в 2003 г., от участия в которых отказались Франция, Германия и Россия, наглядно показывают проявления этой зависимости европейцев от США» [Gomart, 2021: 178].

Новой тенденцией в битве за космос становится участие в ней частных игроков, которые, как, например, Э. Маск объявили о переходе от освоения космического пространства к его эксплуатации. Сопряжение усилий государства и частного сектора в США становится отныне органичной частью американской гонки вооружений. В последние годы США инвестируют огромные средства в космос, который они рассматривают как первооснову собственного военного превосходства, продолжая при этом обвинять Россию в милитаризации космического пространства.

В этих условиях интегрированная Европа вынуждена глубоко переосмыслить свою политику в космическом пространстве, которая является «залогом ее стратегической автономии» [Gomart, 2021: 194]. При том, что за последние два десятилетия ей удалось добиться многих технологических успехов: реализовать в конкуренции с американской GPS, российской Глонасс и китайской Beidou проект самой точной в мире (полметра) геолокации, программу наблюдения за земной поверхностью «Коперник», проект наблюдения за космическим пространством и движением объектов в нем, обеспечиваемый работой свыше 2 тыс. спутников; автономную правительственную космическую связь между государствами ЕС.

Тем не менее, констатирует Т. Гомар, Евросоюзу не удалось достичь цели, зафиксированной в 2000 г. в Лиссабоне – «стать самой конкурентной экономикой знаний и

самой динамичной, растущей силой в мире в 2010 г.». В последнее десятилетие Евросоюз уступил свои передовые позиции Китаю. Перед ЕС стоят две проблемы: первая – обеспечить переход от инновации к коммерциализации в глобальном масштабе; вторая – устранить разрыв между гражданской и военной областями, который утрачивает свою значимость в условиях цифровизации [Gomart, 2021: 196–197].

Все более усложняющаяся динамика трансатлантических отношений вносит новые коррективы в представления самих европейцев о возможностях, потенциале и перспективах обеспечения системы безопасности в Европе. Заметно увеличивается число европессимистов, сомневающих в готовности и даже способности США гарантированно обеспечить Европе всеохватный «оборонный зонтик», соответствующий современным вызовам и угрозам. В этих условиях концепция «стратегической автономии» становится все более значимой для Брюсселя, учитывая отнюдь не мелкие геополитические диссонансы с Вашингтоном. Рассчитанная на самостоятельное укрепление европейской безопасности, она выходит на первый план оборонительной стратегии интегрированной Европы. Первоначальный лозунг-призыв обрести полноценную субъектную геополитическую роль постепенно превращается в один из приоритетных пунктов ее внешнеполитической повестки. Перевод в практическую плоскость идеи оборонной идентичности ЕС усиливает, несомненно, его разногласия с НАТО и, соответственно, с США.

В этой связи обоснованной представляется точка зрения тех представителей российского политологического сообщества, кто считает, что будущее стратегической автономии Евросоюза будут определять инициативность или бездействие национальных государств, их готовность потратить политический капитал или занять выжидательную позицию, политическое лидерство или стремление переложить ответственность на других [Громыко, 2021: 14].

Международный терроризм и преступность: старые вызовы – новые проблемы

В разделе, посвященном этой теме, Т. Гомар старательно уходит от наиболее распространенных на Западе оценочных суждений и схожих обобщений. Он исходит из того, что международный терроризм и транснациональная преступность представляют собой скрытые угрозы и потому борьба с ними является «прежде всего войной разведок», поскольку она ведется с военизированными группами, поддерживающими тайные связи со многими странами. «В конечном счете разведслужбы могут рассчитывать только на свои силы, несмотря на то что борьба против терроризма предполагает их взаимодействие. Правил здесь придерживаются редко даже между союзниками, поскольку обмен разведывательной информацией может произойти со странами, которые сами являются объектом разведок других внешних сил» [Gomart, 2021: 205]. В критической тональности выдержана оценка деятельности западных разведок, прежде всего американской, которые не уделили должного внимания к появлению исламского фундаментализма. Создание «Аль-Каиды»¹ Усама Бен Ладеном

¹ Запрещенная в РФ террористическая организация (прим. редакции).

в Афганистане в 1988 г. прошло незамеченным. Несмотря на нападение в 1993 г. на Международный торговый центр в Нью-Йорке, лишь спустя шесть лет американские спецслужбы приступили к серьезному изучению столь важной проблемы. «11 сентября стало знаковым подтверждением их провала».

Специфика же Евросоюза объясняется тем, что разведслужбы действуют автономно в суверенных рамках стран-членов. Абсолютно бесперспективно, по мнению автора, пытаться создать интегрированную европейскую разведывательную структуру. Другое дело – обмен информацией и даже проведение совместных антитеррористических операций в отдельных ситуациях и в случае общей угрозы. «Именно это может стать приоритетным направлением [деятельности разведок в ЕС]» [Gomart, 2021: 222].

Обращаясь, что естественно, к деятельности французской внешней разведки, автор на основе открытых данных конкретизирует – по степени важности – шкалу ее приоритетных целей и задач: борьба с терроризмом в тесной взаимосвязи с Генеральной дирекцией внутренней безопасности и армией; борьба с распространением ядерного, баллистического, радиологического, химического и биологического оружия; борьба с незаконной миграцией; противодействие киберугрозам; защита технологических и научных достижений; политическая разведка. Из этого перечня приоритетов следует, что борьба с терроризмом имеет особое значение для Франции: с 2012 г. в ней произошли 19 терактов, а 32 акции джихадистов были предотвращены спецслужбами. Обезглавленный в 2020 г. на выходе из школы учитель Самуэль Пати замкнул список 264 жертв террористов во Франции.

Экономический и социальный кризис, усугубленный пандемией, усиливает по нарастающей транснациональную преступность. Она концентрируется, по оценке автора, в пяти основных сферах. Во-первых, это производство контрафактной продукции, особенно электроники, драгоценностей, медикаментов и одежды. Совокупность этой продукции оценивается в 3,3–10% всей мировой торговли. Во-вторых, торговля людьми и обеспечение незаконной миграции, ежегодный доход от которых, по данным ООН, превышает 32 млрд долл. В-третьих, это экологическая преступность: торговля редкими птицами и животными, рогами носорога, бивнями слона, плавниками акулы и т.д. В-четвертых, контрабандная торговля антиквариатом, исчисляемая ежегодно в 6 млрд евро. По данным Интерпола, число украденных предметов искусства в 2019 г. превысило 50 тыс. В-пятых, что особенно опасно, это торговля оружием: более одного миллиарда единиц легкого стрелкового оружия находится в обороте в мире, из которых 84% – на руках гражданского населения. Особое место занимает торговля наркотиками, приносящая преступным группировкам огромные прибыли. По данным профильной службы ООН, 275 млн человек хотя бы однажды приняли наркотики, что составляет 5,6% населения мира в возрасте от 15 до 64 лет [Gomart, 2021: 208–210].

Выводы

Автор настолько погружен в столь важную проблематику, к отдельным аспектам которой он возвращается вновь и вновь в различных разделах книги, что не-

редко это выглядит как структурная разбалансированность текста, мешающая его целостному восприятию.

Т. Гомар актуализирует, конечно, с учетом насущных потребностей Евросоюза и Франции, значение стратегического мышления, приобретающего в условиях трансформации мирового порядка особое практико-политическое значение. Из книги следует, что грядущие перемены – это уже не заоблачное будущее: устаревшие модели политического и военно-политического бытия уходят в прошлое.

Тревожная озабоченность автора будущим интегрированной Европы, усугубленная последствиями ковидной пандемии, тем не менее не выдержана в заведомо пессимистических тонах. Скорее, ее можно выразить в сдержанной критической формуле, предполагающей серьезную адаптационную перенастройку стратегии ЕС с учетом глобальных перемен в мире: в целом все идет хорошо, но лучше не становится.

Его оценочные суждения вызывают тем более повышенный аналитический интерес, что в значительной степени отражают обобщенные точки зрения отнюдь не единичных авторитетных представителей политологического сообщества стран Евросоюза. Т. Гомар связывает благоприятные стратегические перспективы развития ЕС, в частности, с необходимостью обновления концепции и практики экономических санкций и инновационной разработки мер реагирования на ожидаемые американские и китайские санкции против ЕС. Похоже, что поучительные уроки антироссийских санкций, экстраполируемые в расширенном геополитическом и геоэкономическом масштабе на самих себя, все больше беспокоят европейцев.

Кризис либеральной модели миропорядка прямо, если не сказать фундаментально, затронул Евросоюз. Его глобальная стрессоустойчивость перед лицом новых геополитических, геоэкономических и эпидемиологических вызовов и угроз явно ослабевает, несмотря на концептуальное нововведение-заявку на «принципиальный прагматизм», зафиксированную в Глобальной стратегии ЕС в 2016 г.

В оценке геополитических перспектив Франции, которой в книге уделяется значительное место, отметим выделенную автором чрезмерную сосредоточенность на внутренних проблемах, которая мешает пониманию ее руководством стратегических намерений других акторов мирополитических процессов. В их осмыслении вместо жестко обозначенного концептуального подхода предлагается использовать подход сугубо прагматический, с максимальным учетом существующих реалий, опирающийся на качественный анализ конкретных фактов и достоверной информации о намерениях противников, партнеров и нейтральных игроков. При этом, похоже, автор исходит из принципа: ничто так не усложняет отношения, как попытка их упростить. Новые стратегические горизонты для него означают отказ от старых миражей.

Грядущие геополитические вызовы, исходные тенденции которых проявляются уже сегодня, будут прежде всего связаны с «невидимыми», как это явствует из названия книги, войнами за контроль над людьми, их сознанием и поведением. Воздействие скрытых пружин глобализации станет усиливаться по нарастающей на все и на всех. Это определит специфику представлений о мире и войне, внутренней и внешней политике, гражданской и военной сферах. В «невидимых войнах» на первый план выйдут кибероперации, еще более масштабные экономические санкции, информационные баталии и дезинформация. Именно информационное превосходство будет способно нарушить стратегические планы противника.

Вопрос лишь в том, окажется ли прав в обозначенном контексте Франсуа де Ларошфуко, утверждавший еще несколько веков назад, что «не так благотворна истина, как зловердна ее видимость».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Громько Ал.А. (2021) Субъектность Евросоюза – между атлантизмом и евроцентризмом. *Современная Европа*. № 4. С. 10–25.

Чижов В.А. (2021) Вопреки препятствиям диалог продолжается, *Российский совет по международным делам*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/vopreki-prepyatstviyam-dialog-prodolzhaetsya/> (дата обращения: 26.11.2021)

Global Trends 2040. A more contested world (2021) A publication of the National Intelligence Council, Office of the Director of National Intelligence. URL: https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/GlobalTrends_2040.pdf (дата обращения: 26.11.2021)

Gomart, T. (2021) *Guerres invisibles. Nos prochains défis géopolitiques*. Paris: Editions Tallandier, 317 p.

REFERENCES

Global Trends 2040. A more contested world (2021) A publication of the National Intelligence Council, Office of the Director of National Intelligence. URL: https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/GlobalTrends_2040.pdf (accessed: 26.11.2021)

Gomart, T. (2021) *Guerres invisibles. Nos prochains défis géopolitiques*. Paris: Editions Tallandier, 317 p.

Gromyko Al. (2021) Sub'ektnost Evrosouza – mezdu atlantismom i evrozentrismom [Subjectivity of the European Union – between Atlanticism and Eurocentrism]. *Sovremennaya Evropa*, No 4, pp. 10–25. (In Russian).

Tchizov V.A. (2021) Vopreki prepyatstviyam dialog prodolzhaetsya [Despite the obstacles the dialogue continues]. *Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnim delam*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/vopreki-prepyatstviyam-dialog-prodolzhaetsya/> (accessed: 26.11.2021) (In Russian).

What awaits Europe and the World in the Near Future

M.A. Neimark*

Doctor of Science (History), Professor

Department of Political Science and Political Philosophy

Diplomatic Academy of the Ministry of the Foreign Affairs of the Russian Federation

53/2, build. 1, Ostozhenka Street, Moscow, Russia, 119034

*E-mail: mark.neimark@mail.ru SPIN-code: 2491-0280

(Review of the book: Gomart, T. (2021) Guerres invisibles. Nos prochains défis géopolitiques. Paris: Editions Tallandier, 317 p.)

Key words: geopolitics, strategic security, Europe, USA, China, Russia, new world order.

DOI: 10.31857/S0201708322050163

EDN: gnwtua